

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ТЕОРИИ ИСТОРИИ

4.1. Роль религии в развитии цивилизации: Арнольд Джозеф Тойнби¹

Слово «цивилизация» появляется довольно поздно. В 1768 г. выходит книга А. Фергюсона «Опыт истории гражданского общества», где выделяются дикость, варварство и цивилизация. Однако в контексте книги цивилизация означает закономерную ступень в развитии человечества. Но уже в XVIII в. оно начинает распространяться вместе со старым словом «культура», которое становится его дубликатом. Лишь в начале XIX в. слово «цивилизация» начинает употребляться во множественном числе как совокупность характеристик, свойственных той или иной группе или определенной эпохе. В этом смысле цивилизация означает прежде всего коллективные ценности, коллективное мышление и коллективную идеологию. Религия в этом смысле оказывается одной из важнейших характеристик цивилизации, объясняя ее прошлое и настоящее. Поэтому многие исследователи ищут в цивилизации такие реалии прошлого, которые сохраняют свое значение в настоящем.

Такой подход помогает локализовать цивилизации на географической карте. Поэтому их реальное существование во

¹ Впервые опубликовано: Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. М.: ИНФРА-М, 2010. Гл. 3.

многим определяется преимуществами и недостатками географической среды. Л. Мечников, например, выделяет речные, приморские и океанские цивилизации. С течением времени слово «цивилизация» начинает срастаться с понятием «общество». Именно в таком смысле цивилизации анализируются в работах А. Дж. Тойнби. Цивилизации сталкиваются друг с другом, взаимно влияют друг на друга, заимствуют друг у друга, экспортируя и импортируя различные институты.

Цивилизационный подход предполагает анализ экономических особенностей каждой нации, которые отражаются в экономической ментальности. Этот институт формируется веками. Он характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы.

Дальнейшее развитие цивилизационный подход получил в работах выдающегося английского историка и социолога **Арнольда Джозефа Тойнби (Arnold Joseph Toynbee, 1889–1975)**, который свыше 30 лет преподавал курс международной истории в Лондонской школе экономики. С 1934 по 1961 г. вышли 12 томов «Исследования истории»², оказавшие огромное влияние на современную экономическую мысль. Объектом исследования являются локальные цивилизации (общее число которых составляет 26) —

**Арнольд Джозеф Тойнби
(1889–1975)**

рис. 4.1. Из них 5 уже остановились в самом начале пути. Из оставшихся 21-й цивилизации 6 носили первичный характер, а 15 — вторичный. К настоящему времени 14 уже

² Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 1–12. London, 1934–1961.

погибли и остались всего 7: западная христианская, православная христианская, исламская, индуистская, дальневосточная, буддистская, христианско-иудаистская. Дальневосточная получила такое странное название, потому что в ней важнейшую роль играет не одна, а сразу несколько религий.

В центре внимания А.Дж. Тойнби — влияние религиозных факторов на социально-экономическое и политическое развитие народов. Основную роль в истории играют Законы Бога, осуществляемые через выбор элиты. Движущей силой развития цивилизации, таким образом, А.Дж. Тойнби считает творческое меньшинство, способное увлечь общество в новом направлении. Именно оно находит необходимые ответы на те вызовы, с которыми постоянно сталкивается общество. Однако наступает такой момент, когда элита уже не может найти адекватного ответа на очередной вызов. Поэтому упадок цивилизации Тойнби связывает с недостатком созидательной силы у творческого меньшинства и, вследствие этого, прекращением преданности и подражания ему со стороны исторического большинства. Это приводит к утрате обществом бывшего социального единства. Наступает дезинтеграция.

Рис. 4.1. Классификация цивилизаций

Общество распадается на три части:

- 1) господствующее меньшинство, создающее универсальное государство;

- 2) внутренний пролетариат, взгляды которого отражаются в универсальной религии и церкви (толстовство, гандизм, христианство американских негров и т.д.);
- 3) внешний пролетариат, оформляющийся в варварские военные банды.

Вторая и третья группы объединяют, по мысли А.Дж. Тойнби, слои, живущие в обществе, но ему не принадлежащие. Эти силы в конечном счете разрушают старую цивилизацию и одновременно (рождая новую религию) подготавливают предпосылки для возникновения новой цивилизации (рис. 4.2).

Рис. 4.2. Структура общества в процессе подготовки новой цивилизации

Формы проявления стремления выйти из дезинтеграции могут быть разнообразными. Это и стремление уйти в прошлое (архаизм), и попытка вырваться в будущее (футуризм), и различные формы отрешения (вплоть до самоубийства), и так называемая «трансфигурация» (т.е. стремление замкнуться в семейном кругу, или уйти в микромир).

4.2. Роль географической среды в развитии этноса: Лев Николаевич Гумилев³

Важный вклад в теорию этноса внес российский историк **Лев Николаевич Гумилев (1912–1992)**. Уже в «Открытии Хазарии» (1966) он связывает развитие с большими природ-

³ Впервые опубликовано: Экономическая компаративистика: сравнительный анализ экономических систем. Гл. 3.

ными циклическими колебаниями. Будучи доктором исторических наук он подготовил диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук «Этногенез и биосфера Земли», в которой были сформулированы его основные идеи.

Этнос — группа людей, выступающая в истории как большая замкнутая система, с определенным динамическим стереотипом поведения и оригинальной внутренней структурой, меняющейся в зависимости от фаз этногенеза. Энергия этноса зависит от окружающей среды, в кото-

рой он добывает средства к существованию. Жизнь этноса охватывает длительный период: 1200–1500 лет (рис. 4.3). По мере расширения социального пространства этнос начинает испытывать сопротивление окружающей среды, с которой связаны растраты жизненных, энергетических сил, данных ему в период первоначального толчка. Растраты биосферных запасов происходит не плавно, а скачкообразно, она подчиняется определенным ритмам.

Согласно концепции Гумилева каждый этнос проходит следующие фазы: подъем (скрытый и явный), акматическую фазу, надлом, инерционную фазу, обскурацию, мемориальную фазу. Подъем этноса связан с тем, что появляются пассионарии, которых не удовлетворяет жизнь тихого обывателя, занятого благоустройством своей жизни, и которые стремятся к идеалу успеха и победы. Они увлекают за собой широкие массы, способствуя консолидации этноса. Однако с течением времени, выполнив свою задачу, уровень пассионарности понижается, что приводит к надлому, переходящему в инерционную фазу и обскурацию.

**Лев Николаевич Гумилев
(1912–1992)**

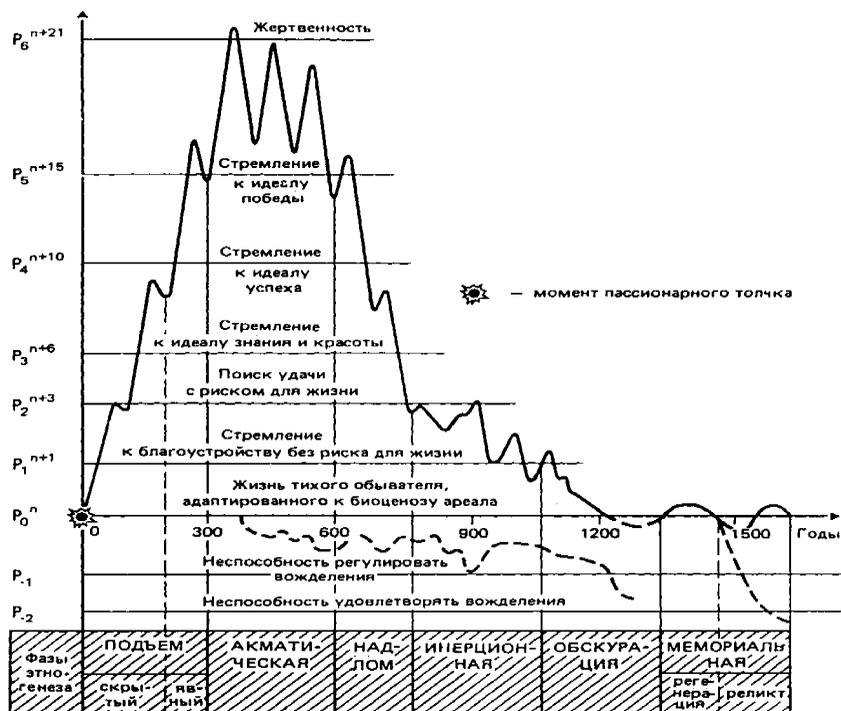

Рис. 4.3. Изменение уровня пассионарного напряжения суперэтнической системы

Источник: Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 2001.

Основной единицей измерения истории, согласно Л.Н. Гумилеву, выступает этнос. Он может включать в себя субэтноты, которые могут быть разделены на конкорции — группы людей, объединенных исторической судьбой. Конкорции — нестойкие объединения, они возникают там и тогда, когда складываются общие интересы или дела. Так возникают секты, тайные культы, подпольные кружки, партии и т.д. Некоторые, выполнив стоящую перед ними задачу, умирают, другие становятся основой будущего этноса.

Этносы возникают не в однообразных ландшафтах, а на границах ландшафтных регионов. Л.Н. Гумилев фактически предлагает выделить особую оболочку геосферы — этносферу. Таким образом, вся история развития человечества выступает как история возникновения, развития и упадка этносов.

4.3. Взаимосвязь социального и экономического в развитии человечества: Карл Полань⁴

Институциональные модели становления и развития капитализма, в русле которых развивались взгляды К. Поланьи, возникли как оппозиция основному течению экономической мысли.

Первым на ограниченность экономического детерминизма в объяснении генезиса капитализма указал Норберт Элиас (1897–1990), последователь Макса Вебера. В 1939 г. в опубликованной в Швейцарии книге «О процессе цивилизации» он указал, что конкурентный тип экономических отношений вовсе нельзя считать самоочевидным: «...Лишь после возникновения централизованной и публичной монополии на насилие... конкурентная борьба за средства и предметы потребления может происходить в значительной степени без применения физического насилия; лишь тогда появляется «хозяйство» в строгом смысле слова, именуемое нами «экономикой», и возникает конкурентная борьба в той ее разновидности, которую мы привыкли называть «конкуренцией»⁵. Однако концепция Н. Элиаса стала пользоваться популярностью

---

⁴ Впервые опубликовано: Критика экономического детерминизма Карлом Поланьи // Историко-экономические исследования. 2004. № 3(5). С. 34–39; а также в книге «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2006. С. 199–205.

⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 145.

только с 1970-х гг. Переворот в представлениях о генезисе капитализма произвел другой ученый, тоже связанный с традицией немецкой социологии, — **Карл Поланьи (Karl Polanyi, 1886–1964)**.

К. Поланьи предпринял грандиозное исследование становления и развития капитализма в Западной Европе с XV в. и до середины XX в. включительно. Под рыночной экономикой он понимал «саморегулирующуюся систему рынков»⁶.

В «Великой трансформации» (1944) Поланьи обратил внимание на очевидное противоречие, которое не замечают неоклассики. Существование саморегулирующегося рынка невозможно без функционирования рыночных законов, однако допускать функционирование рыночных законов пока не доказано существование саморегулирующегося рынка, мы также совершенно не вправе. Возникает порочный круг, выход из которого, по мнению К. Поланьи, неоклассиками не найден.

Попытка вывести эти законы из природы человека утопична. «На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека, — пишет Поланьи, — была столь же ложной, как и представления Руссо о политической психологии дикаря. Разделение труда, феномен столь же древний, как и само общество, обусловлено различиями, заданными полом, географией и индивидуальными способностями, а пресловутая «склонность человека к торгу и обмену» почти на сто процентов апокрифична. Истории этнографии известны различные типы экономик, большинство из которых включает в себя институт рынка, но им

**Карл Поланьи
(1886–1964)**

⁶ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002. С. 53.

неведома какая-либо экономика, предшествующая нашей, которая бы, пусть даже в минимальной степени, регулировалась и управлялась рынком»⁷. Поэтому он сравнивает современную индустриальную экономику с доиндустриальной, в основе которой, по его мнению, лежали три основных принципа: взаимности (реципрокности), перераспределения (редистрибуции) и домашнего хозяйства. Их содержание показано в таблице 4.1. Подчеркнем, что, по мнению К. Поланьи, эти принципы институционализировались не с помощью экономики, а с помощью социальной организации⁸.

Таблица 4.1

**Принципы поведения в доиндустриальных системах
(по К. Поланьи)**

Принципы	Взаимность (реципрокность)	Перераспределение (редистрибуция)	Домашнее хозяйство
Базовая модель	Симметрия	Центричность	Автаркия
Сфера действия	Семья	Общество	Замкнутая группа (семья, поселение или феодальное поместье)
Цель	Воспроизводство семьи	Воспроизводство общества	Воспроизводство группы
Связи	Родственные	Территориальные	Родственные и территориальные
Регулятор процессов	Магия и традиционный этикет	Обычаи и закон	Глава хозяйства (в соответствии с традициями)
Обмен	Горизонтальный	Вертикальный	Взаимный

Составлено по: Поланьи К. Великая трансформация, 2002. Гл. 4.

Если мы сравним рыночный и редистрибутивный продуктообмен (табл. 4.2), то увидим коренные различия между ними. Методы координации в общественном разделении

⁷ Поланьи К. Указ. соч. С. 56.

⁸ Там же. С. 77.

Таблица 4.2

Изменение методов координации

Критерии различий	Редистрибутивный продуктообмен	Рыночный товарообмен
В каких обществах преобладает	В доиндустриальном	В индустриальном
Характер отношений	Вертикальный (подданные — правители)	Горизонтальный (между производителями)
Конкуренция	Исключена	Широко развита
Регулирование	Централизованное	Саморегуляция
Роль денег	Второстепенная	Доминирующая
Характер обмена	Принудительный	Добровольный
Эквивалентность обмена	Не соблюдается (только возмездность)	Соблюдается при каждой купле-продаже

труда глубоко различаются в доиндустриальную и индустриальную эпохи, как и логика этого развития. «Ортодоксальное учение, — пишет К. Поланьи, — начинало с постулирования склонности индивида к обмену, дедуцировало из нее логическую необходимость появления местных рынков и разделения труда и, наконец, выводило отсюда необходимость торговли, в конечном счете — торговли внешней, в том числе даже торговли дальней»⁹. В действительности все было *с точностью до наоборот*. Дальняя торговля возникает гораздо раньше торговли местной. Да и внутренняя торговля в Западной Европе, считает Поланьи, возникла благодаря вмешательству государства¹⁰.

Основной огонь критики К. Поланьи направлен на то, что нигде и никогда не происходило автоматического превращения изолированных рынков в рыночную экономику, а рынков регулируемых — в рынок саморегулирующий. Такой процесс явился отнюдь не итогом какой-либо внутренней присущей рынкам тенденции к самовозрастанию, а «результатом действий весьма возбуждающих средств, которые

⁹ Поланьи К. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 71–81.

были назначены социальному организму, чтобы помочь ему в ситуации, созданной не менее искусственным феноменом машины!»¹¹

Саморегулирующийся рынок предполагает не только то, что все продукты производятся для продажи, но и что существуют рынки факторов производства. Следовательно, труд, земля и капитал приобретают, по К. Поланьи, форму «фиктивных товаров». Однако товарная форма противоречит самой природе этих ресурсов, ведь носителем труда является живой человек, а земля как таковая (реки, поля и т.д. и страна в целом), конечно, не может быть объектом купли-продажи. Понятие «фиктивные товары» несет большую нагрузку в концепции Поланьи. Поскольку ученый отождествляет товары с предметами¹² (т.е. путает социальную — товарную — форму и вещественный носитель — человек, природа, покупательная способность — этой формы), то неудивительно, что он потом пытается доказать, что факторы производства не являются сугубо вещественными (их природа шире этого понятия). Однако эта путаница не мешает ему показать, что рыночная экономика модифицирует все ресурсы, и общество, как может, пытается помешать сведению всех социальных форм к их экономическому содержанию.

Рассматривая подробно историю Спинхемленда, Поланьи показывает, как общество XVIII в. стихийно противилось любым попыткам превратить человека в простой довесок к рынку. «Согласно... закону Спинхемленда, человек получал пособие, даже имея работу, пока его заработок был ниже дохода, установленного для его семьи по соответствующей шкале. А следовательно, у работника не было серьезного стимула

¹¹ Поланьи К. Указ. соч. С. 70.

¹² «Понятие товара — вот что позволяет подключить рыночный механизм к разнообразным факторам экономической жизни. Товары определяются здесь эмпирически как *предметы* (выделено мною. — Р.Н.), производимые для продажи на рынке; сами рынки, опять же эмпирически, определяются как фактические контракты между продавцами и покупателями» (Поланьи К. Указ. соч. С. 86).

удовлетворять требования нанимателя, ибо его доход оставался прежним, какую бы заработную плату он не получал»¹³. Парадокс этого закона заключался, однако, в том, что он невольно привел к всеобщей пауперизации сельского населения. Формирование резервной армии труда стало опережать создание промышленной армии в собственном смысле этого слова. Спинхемленд фактически «не только поощрял уклонение от работы и симуляцию нетрудоспособности, он сделал пауперизм привлекательным именно в тот критический момент, когда человек должен был напрягать все свои силы, чтобы избежать судьбы нищего»¹⁴. Хотя стремление общества защитить себя от рыночной экономики не увенчалось успехом (и привело даже к прямо противоположному эффекту), оно растянуло период становления капитализма.

О свободном рынке в Англии можно говорить лишь в период после 1834 г., когда Спинхемленд был отменен и стала распространяться *laissez-faire*. Свободный рынок опирался на три принципа: конкурентный рынок труда, систему золотого стандарта и свободу международной торговли. Эти принципы, как показывает Поланьи, стали частями единого целого. Но даже в эту позднюю эпоху «дорога к свободному рынку была открыта и оставалась открытой благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра»¹⁵. Любопытно, однако, и то, что она продолжалась сравнительно недолго — каких-нибудь 30–40 лет. Уже 1870–80-е гг. стали периодом крушения ортодоксального либерализма, потому что во всех сферах стало проявляться «коллективистское» контрдвижение. В сфере труда были приняты законы о профсоюзах и пышным цветом расцвело фабричное законодательство. В аграрной сфере стал набирать силу протекционизм (аграрные тарифы и другие защитные меры отечественного сель-

---

¹³ Поланьи К. Указ. соч. С. 94.

¹⁴ Там же. С. 114.

¹⁵ Там же. С. 157.

скохозяйственного производства). Конкурентные рынки все больше и больше превращались в монопольные, а во внешней сфере набирали силу империалистические тенденции. Любопытно, что контрдвижение против экономического либерализма стало спонтанной реакцией, которая охватила все без исключения развитые страны, так что даже самые последовательные приверженцы этого учения не могли не осознать того факта, что *laissez-faire* несовместим с условиями развитого рыночного общества.

Дольше всего держался золотомонетный стандарт. Однако он приводил к тому, что промышленные предприятия и экономика в целом работали все с большим и большим напряжением. Фиксированность валютных курсов предполагала целую систему мер для поддержания стабильности валюты. Это было бы невозможно без увеличения национального экспорта. Однако для колониальных и зависимых стран (с их монокультурной специализацией) увеличение национального экспорта означало только одно: падение цен. Их попытки отказа от выплаты долга неизбежно приводили к политическому вмешательству извне. Политика канонерок в этих условиях становится довольно распространенной. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что для поддержания экономического равновесия стали все чаще и чаще использовать политические инструменты.

И это касалось не только колониальных и зависимых стран (которые не могли себя защитить с помощью государства), но и развитых государств. Конец XIX — начало XX в. характеризуется стремительным ростом колониальной системы. Между великими державами начинается борьба за привилегию торговли на политически защищенных рынках. Это приводит к экономическому и политическому разделу мира. Саморегулирующимся рынкам в этих условиях неизбежно приходит конец.

Проделанный К. Поланьи исторический анализ становления и развития капитализма наглядно показывает, что если саморегулирующийся рынок и существовал, то чрезвычайно

короткий период, и к тому же логика развития этого свободного рынка неизбежно привела его к полному краху, что ярко проявилось в годы Великой депрессии и Первой и Второй мировых войн.

Работа К. Поланьи «Великая трансформация» имела большое значение, поскольку показала внеисторизм традиционных представлений неоклассиков и остро поставила проблему исторического подхода к институтам капитализма.

4.4. Политическая власть как основа экономики тоталитарных обществ: Карл-Август Виттфогель¹⁶

Карл-Август Виттфогель (Karl August Wittfogel, 1896–1988) прожил долгую жизнь, в ходе которой его взгляды претерпели заметную эволюцию. В 1920–1930-е гг. он разделял идеи марксизма и печатался в марксистских журналах. В 1931 г. в Москве выходит его работа, посвященная анализу производительных сил Китая: «Общество и государство в Китае. Т 1. Производственные силы». Однако после переезда из фашистской Германии в США в конце 1930-х — начале 1940-х гг. Виттфогель переходит на платформу институционализма. В 1957 г. в Вашингтоне выходит его самая известная работа «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти»¹⁷, в которой сфор-

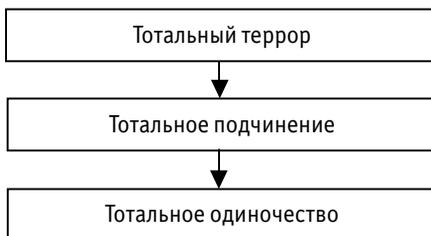

**Карл-Август Виттфогель
(1896–1988)**

¹⁶ Впервые опубликовано: Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М.: ИНФРА-М, 2010.

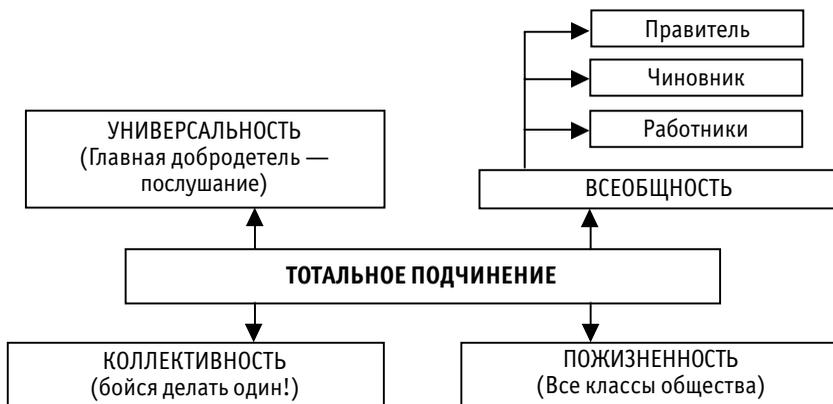
¹⁷ Wittfogel K.A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven; London, 1957. P. 137.

мулирована его знаменитая триада: тотальный террор — тотальное подчинение — тотальное одиночество (рис. 4.4).

Рис. 4.4. Три характерные черты восточного диктотизма (по К.-А. Виттфогелю)

Характеризуя тотальное подчинение, К.-А. Виттфогель говорит о всеобщей зависимости. Она распространяется на всех: и на правителей, и на чиновников, и на работников, и сопровождает человека всю его жизнь. Главной добродетелью становится послушание. В таком обществе возникает ситуация, когда каждый человек руководствуется принципом «Бойся делать один» (рис. 4.5)¹⁸.

Рис. 4.5. Характерные черты тотального подчинения (по К.-А. Виттфогелю)

¹⁸ Подробнее см.: Wittfogel К.А. Op. cit. P. 5.

В СССР складывается ситуация, когда «государство оказывается сильнее, чем общество»¹⁹. И для граждан остается только одно — тотальное одиночество (рис. 4.6). Личность раздваивается. Адаптируясь к жизни, человек вынужден не высовываться, постоянно ориентируясь на коллектив, вплоть до заучивания текстов из «Краткого курса ВКП(б)», как позднее в Китае люди заучивали фразы из цитатника Мао Цзе-Дуна. Подлинная жизнь начинается в узком семейном кругу, отчужденном от официальной среды. Только там люди могут честно и правдиво обсуждать животрепещущие проблемы. Такая раздвоенность человеческой личности становится оборотной стороной тотального подчинения, основы которого были заложены в 30-е гг.

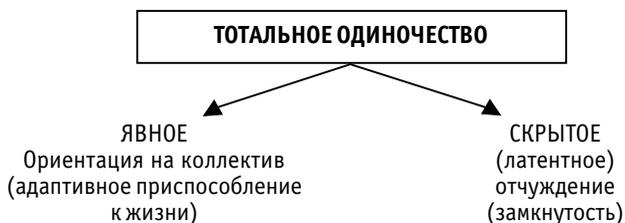

Рис. 4.6. *Формы тотального одиночества (по К.-А. Виттфогелю)*

4.5. Попытка модернизации марксизма в теории регуляции²⁰

Сократить разрыв между абстрактной теорией общего равновесия и упрощенным марксизмом, с одной стороны, и конкретным экономическим анализом реальных проблем реальной экономики, с другой, попыталась в 1970–1990-е гг.

¹⁹ См.: *Wittfogel K.A.* Op. cit. P. 3.

²⁰ Первоначальный вариант введения и первого раздела главы опубликован в книге: Институциональная экономика: учебник / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 306–307 (2-е изд. 2007; пер. на англ. *The Institutional Economics of Russia's Transformation*. Ed. By Anton N. Oleinik. ASHGATE, 2006. P. 137–139).

теория регуляции, развиваемая в трудах французских экономистов М. Аглиетты, Р. Буайе, Ж. Д. де Берниса, Ж. Мистрала, А. Липеца, Ж. Сапира и др.²¹ Они исходят из того, что общую абстрактную неоклассическую теорию необходимо дополнить марксизмом и посткейнсианством. Это позволит дополнить неоклассический подход анализом специфических черт, которые учитывают время и место происходящего события, а также его институциональную форму. Они выступают за взаимное обогащение истории и теории экономики. С этой целью экономисты стремятся создать иерархическую систему соподчиненных промежуточных понятий. Важную роль при этом занимает анализ законов-тенденций.

Исходным пунктом указанные выше ученые берут заимствованные из марксизма различные способы производства и пытаются уточнить их с учетом времени и места. В этом соединении важнейшую роль играет понятие режима накопления, а также точной конфигурации институциональных форм (ограничений по деньгам, конфигурации отношений найма, форм конкуренции, способов присоединения к международному режиму и форм государства). Эти институциональные формы, по мысли сторонников теории регуляции, позволяют конкретизировать общую регуляцию и выявить определенные закономерности ее развития. Они считают, что бесполезно пытаться объяснить необходимость существования экономических институтов какой-либо одной причиной. Важно, считают они, четко различать происхождение и

²¹ *Aglietta M.* Régulation et crises du capitalisme. Calmann-Lévy. Paris, 1e éd., 1976, 2e éd., 1982; *Boyer R., Mistral J.*, 1978, 1983. Accumulation, inflation, crises. PUF, Paris, 1e éd., 1978, 2e éd. 1983; *Lipietz A.* Crise et inflation, pourquoi? Maspero. Paris, 1979; *Boyer R.*, La théorie de la régulation. Une analyse critique. Éditions La Découverte. Paris, 1986 (Русск. перевод: *Буайе Р.* Теория регуляции. Критический анализ. М.: РГГУ, 1997); *Sapir J.* Les fluctuations économiques en URSS, 1941–1985. Ed. de l'École des Hautes Etudes en Sciences Sociales. Paris, 1989; *Boyer R., Durand J.P.* L'Après-Fordisme. Syros. Paris, 1993; *Canup Ж.* К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2001.

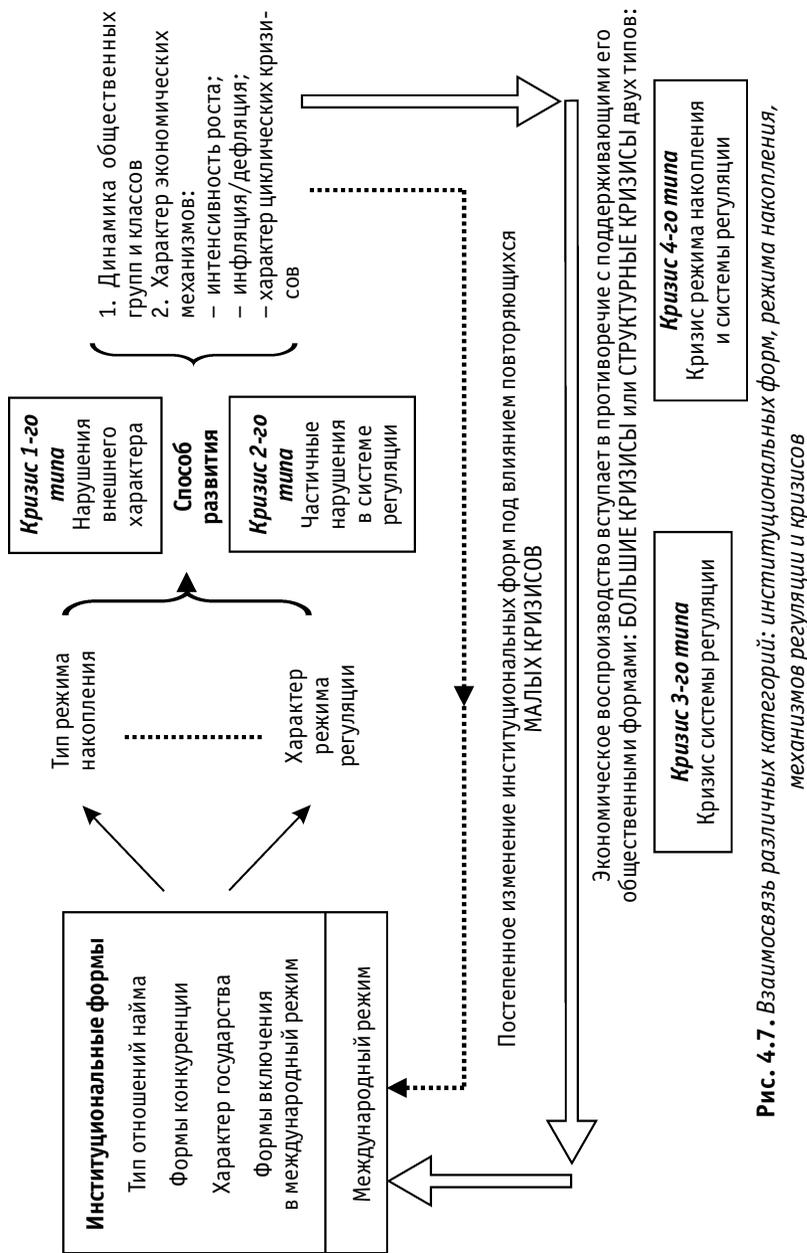
жизнеспособность экономического института. Последнее в значительной мере определяется тем, насколько институты взаимодополняют друг друга. Чтобы рынки были эффективными, полагают представители теории регуляции, им требуется весь набор институтов.

В центре внимания французских авторов оказался анализ различных кризисов (рис. 4.7). Постепенное изменение институциональных форм происходит, согласно Р. Буайе, под влиянием повторяющихся малых кризисов. Они бывают двух типов. Если кризис первого типа отражает нарушения внешнего характера, то кризис второго типа — частичное нарушение в системе регуляции. Малые кризисы рано или поздно приводят к большим (или структурным) кризисам, которые также бывают двух типов: кризис третьего типа является кризисом системы регуляции, а кризис четвертого типа приводит к кризису не только системы регуляции, но и всего режима накопления.

Сравнение кризиса 1929–1933 гг. и середины 1970-х гг. приводит ученых к мысли о том, что последний является не просто очередным кризисом, но и кризисом фордистской системы найма, что подготавливает принципиально новый виток развития.

Анализ кризисов не означает полностью негативного отношения к существующей экономической системе. Сторонники теории регуляции считают, что существующая система еще не исчерпала своих возможностей, однако для ее успешного развития необходимо выявление и распространение новых организационных форм, а также более активное вмешательство государства в экономику.

В то же время теория регуляции не лишена и определенных недостатков. Отсутствие единого метода исследования приводит к тому, что до сих пор сохраняется различная трактовка даже такого базового понятия, как «регуляция». Под регуляцией понимается и «воспроизводство определенной структуры общества в целом», и «процесс взаимной адаптации

Рис. 4.7. Взаимосвязь различных категорий: институциональных форм, режима накопления, механизмов регуляции и кризисов

Источник: Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ, 1997. С. 192.

производства и общественного спроса»²², и «совокупность процессов, управляющих распределением факторов производства, их использованием и распределением доходов»²³, и «процесс совмещения в соответствии с определенными правилами или нормами множества человеческих действий»²⁴, и т.д. и т.п. Отсутствие единой методологии сказывается и на системе категорий. Отсюда описательность большинства экономических исследований и выборочность тем, которые подвергаются исследованию (фордизм, кризисы, инфляция). Создается впечатление, что, несмотря на прошедшие четверть века с появления первых работ по теории регуляции, процесс становления этой теории еще далеко не завершен.

---

²² Aglietta M. Op. cit; Boyer R. La crise actuelle: une mise en perspective historique. Quelques réflexions a partir d'une analyse du capitalisme français en longue période // Critiques de l'économie politique. N 7/8, avril-septembre, 1979. P. 3–113.

²³ Benassy J.-P., Boyer R., Gelpi R.-M. Régulation des economies capitalistes et inflation // Revue économique. Vol. 30, no 3, 1979, mai.

²⁴ Lipiets A. Crise et inflation, pourquoi? Maspero, Paris, 1979.